

АКТРИСА поет, и камера медленно скользит по оконным стеклам, крест-накрест заклеенным узкими полосками бумаги, как это было в минувшую войну. Скользит по стене, увешанной скромными семейными фотографиями. Отец, мать, дочь. Девочка с пышным бантом в коротко стриженных волосах с любопытством всматривается в окружающий мир... И снова снимок той же семьи, только здесь все старше, строже.

Эти фотографии — из семейного альбома народной артистки РСФСР Людмилы Марковны Гурченко, и не случайно они стали существенной деталью телевизионного фильма «Песни военных лет», в котором артистка будто слилась воедино с мелодиями незабываемого героического времени. Те годы горьких утрат и высоких духовных обретений во многом сформировали ее нравственный мир. И фотографии, и песни в картине помогают осознать истоки творческого пути актрисы, которая сегодня с такой силой и доподлинностью рассказывает на экране о женщине военных и первых послевоенных лет, о ее мужестве и внутренней незащищенности, стойкости духа и прекрасной женственности, которую ничто не способно заслонить и вытравить. Вслушиваясь в невысокий, чуть хриловатый голос Гурченко, поющей о «синеньком платочке» и старом вальсе, о «темной ночи» и друге-баяне, думаешь о щедрости и открытости сердца наших соотечественниц.

Маленькая Люся всегда запомнила залитые солнцем улицы родного довоенного Харькова. Праздничные майские демонстрации, звонкие, искрящиеся счастьем мелодии и ту уверенность в светлом завтрашнем дне, которая жила в душе едва ли не каждого человека. И ребенком ей неосознанно хотелось делиться своей радостью с другими, дарить счастье. Потребность яркой, одаренной натуры... Позже она станет еще настоящей.

Жизнелюбием дышит первая кинороль — Лены Крыловой в фильме «Карнавальная ночь», куда шагнула студентка актерской мастерской С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Роль принесла успех, признание, блистательные прогнозы и добрые напутствия. Зрители подхватили задорные песенки героини Людмилы Гурченко, режиссеры приглашали молодую актрису в свои новые картины, рассчитывая на ее музыкальные и вокальные данные. Но из сыгранного в ту пору более всего закрепилась в памяти Лена Крылова, бросавшая в кинозал заряд подлинного оптимизма. Может, запомнилась она и потому, что был у этой героини характер, чувствовалось в ней определенное волевое начало.

Музыкально — танцевальная сторона дарования Гурченко реализовалась затем в фильмах разных лет: «Девушка с гитарой», «Соломенная шляпка», «Табачный капитан», «Мама», в телевизионной программе «Бенефис». В этой программе она поет, танцует, стремительно меняет обличья, являясь то забавной старухой, которая возвращает к жизни полубезумный чарльстон 20-х годов, то чопорной девицей, будто сошедшей со страниц старинного романа, то девчонкой-подростком. Стихия музыки владеет ею, и кажется, что песня, пластика естественны для нее, как дыхание.

Однако ошеломительный успех в «Карнавальная ночь» был чреват не только радостью, но и горечью. Вот как об этом говорит сама актриса:

— Все считали: раз Гурченко, значит, пение, улыбка, хорошее настроение... Шли годы, я играла девушек... с разными именами, с одной и той же функцией на экране, стереотипных, как кинокартинки, в которых они действовали.

Между фильмами, что приобрели особое значение в моей актерской судьбе, между «Карнавальная ночь» и «Старыми стенами» — 17 лет. Годы полу-

удач, поисков, провалов, проб, моментов отчаяния и угасающей надежды.

Талант показывался одной и той же гранью. И все-таки за семь лет до «Старых стен» начало перелома обозначила лента «Рабочий поселок». Слепительная «удачница» предстала в драматической роли, в которой актриса впервые заговорила о женской судьбе, искалеченной войной. Зрителям трудно было сразу узнать ее в облике Марии Плещеевой, уста-

характеров — для меня в той войне, в моем незабываемом взрослом детстве, — подтверждает антриса.

Способность распрямляться, верить в реальное существование Любви, Красоты, Человечности всегда дорога Людмиле Гурченко в людях. И в картинах «Старые стены», «Двадцать дней без войны», «Обратная связь», «Пять вечеров», «Особое задание» — в образах женщин несхожих судеб (и по времени действия их подчас

картине придется на ее прорыве с Лопатыным перед разлукой. Короткой или навсегда? Неизвестно. Война есть война. Но так заряжены драматизмом у Ники — Гурченко эти секунды, что невозможно не склонить голову перед силой ее переживаний.

— Играл Нину Николаевну в фильме режиссера Алексея Германа, я напряженно жила жизнью моей молодой мамы, — признается Людмила Марковна.

В ее героинях тех лет более всего высвечена живая душа, с постоянным ожиданием счастья, потаенной готовностью к нему. Какие бы ни были невзгоды — человек рожден для счастья. Это и помогает выстоять, выдержат, казалось бы, невозможное, перенести тоску одиночества, не размениваясь на крохи радости, не позволяя себя жалеть. Оттого подчас ее женщины прибегают к грубоватой защитной маске, как бы одеваются в броню.

За звонкой удаляю спрятала себя, свою муку 20-летнего ожидания ушедшего на фронт любимого Тая Соломина («Сибиряда»). За строгостью, неприступностью укрывалась от сочувственных взглядов «правильная» Тамара Васильевна — одна из близких Гурченко женщин 50-х годов, что вынесли на своих плечах военное лихолетье («Пять вечеров»). Оттуда, из тех дней, пришел к Тамаре ее требовательный максимализм, прямота, способность терпеть и вера. «Я хорошо жила, мне было в жизни много счастья, дай бог каждому», — в этих словах не только попытка самоутешения человека незадавшейся женской доли, но и достоинство, гордость за честно, осмысленно пройденный путь.

— Перед началом съемок в картине «Особое задание» я думала: еще один сценарий о годах войны, — вспоминает Гурченко. — и опять будет нелегко, потому что снова есть опасность самоповторения.

От этой опасности она ушла. Роль жены главного инженера авиационного завода Эльвиры Луниной прожита на экране с неотразимой верностью времени. Красивая, избалованная женщина находит в себе силы встать к станку, выдерживая по несколько смен кряду. Фронт у нужны надежные машины. Ее уговаривают перейти на работу в дирекцию, но она отказывается и добавляет: «Вместе плачем, вместе смеемся, все у нас поровну...» Это — о «бригаде вдов», которых, как и ее, осиротила война. Здесь они ведут свой бой с врагом.

МНОГИХ героинь Людмилы Гурченко можно было бы объединить девизом: через страдания к радости. Их экранные судьбы венчают, как правило, духовный взлет. Не исключение здесь и Маргарита Соловьева, скромный ретушер городского телезелье из новой ленты «Любимая женщина механика Гаврилова», — роль, опять принесшая огромный успех. Она проникнута оптимизмом, рожденным в жизненных испытаниях. На глазах зрителей по существу вновь совершится подвиг — подвиг любви. Взрывной темперамент, тонкие драматические и лирические краски, ирония, юмор, искромётный танец — весь арсенал актерской палитры Гурченко использован в фильме.

Говоря о ее искусстве, не хочется употреблять привычное слово мастерство. Кажется, что всякий раз она творит заново из материала своего сердца, нервов, души. Активностью позиции, равнодушием к окружающему, способностью работать, даже не оправившись от физической травмы, отмечена ее творческая биография.

— Профессия антра — это не набор готовых истин, не свод неких правил и наставлений, а драма, потрясение, подвиг, — убеждена артистка. — Она требует эмоций и эмоций. Иначе как заставишь зрителя переосмыслить и переоценить себя и свою жизнь. Для этого с экрана должно прийти потрясение. Вот почему актер должен всегда гореть.

Э. ЛЫДИНА.

РАССКАЗЫВАЕМ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕМИ КРАСКАМИ ДУШИ

Уважаемая редакция!
Кино — мое давнее увлечение. Выход хорошего фильма воспринимаю как праздник. Среди советских мастеров экрана, за работами которых я с интересом слежу, — Людмила Гурченко. Просьба рассказать о творчестве этой замечательной актрисы на страницах газеты.

Капитан В. ШУТКИН.

лой, изможденной. Только что вернувшись из эвакуации женщина стояла на пороге разрушенного дома в стареньком пальто, в платке, теребя в руках сумочку, и повторяла: «Вот и стены есть, а где четыре стены — там и дом, а где дом — там и жизнь... Пойдет жизнь, куда ж она денется...» Но муж возвратился с фронта слепым, пьет. Гурченко не боится показать ожесточение Марии. Она уходит из дома, бежит невесту куда. И невозможно забыть жест, когда в поезде, в ответ на уговоры попутчиков вернуться (они узнали о ее судьбе), Мария только устало прикладывает руку к глазам, и в этом вся ее мука, любовь к обездоленному войной человеку.

О ТРАГИЗМЕ военных судеб актриса знала не понаслышке. В ее памяти чудовищным контрастом светлым довоенным дням запечатлелся оккупированный Харьков. На пустых, обезлюдевших улицах вражеские солдаты. Пронизывающий холод нетопленных комнат. Руины. Расстрелы на площадях. Трагедия голодными псами, пущенными на женщин и детей. Но вопреки всему — воля и вера народа, не склонившего головы. Все это не прямо, а косвенно, переплавленное в тигле души, сказалось в лучших образах Гурченко. И стало еще более понятным после того, как мы прочли поразительные в своей искренности и доверительности страницы ее повести «Мое взрослое детство». Она не только помнила, что вынесло и преодолело поколение ее родителей, но рано извела многие тяготы сама.

Вспомним хотя бы этот эпизод из книги — хождение девушки за водой. После выставления в очереди у проруби — два полных ведра в руках. «Сделаю десять шагов и покидаю — не смогу, не донесу. Начинаю потихоньку отливать... Несу окоченевшими руками проклятые ведра, считаю шаги: «Папа на фронте, ему трудно... всем трудно... маме трудно... Я донесу, я должна донести!» И вдруг оккупант отбирает воду для своего коня. Нет сил начинать все сначала. Но вода нужна. И Гурченко заключает: «Я поворачивала назад, к проруби».

— Самый неисчерпаемый источник эмоций, страстей, лиц, неоднозначных открытий

разделяют десятилетия) ею укрупнены прежде всего такие черты, как сила и воля к жизни, верность себе, своим принципам, способность ярко и полно чувствовать, будь то счастье или беда. Она вложила в эти образы немало пережитого, ставшего частью ее внутреннего мира.

Главная роль в картине «Старые стены» — результат настойчивости режиссера «Ленфильма» Виктора Трегубовича, предугадавшего большой творческий потенциал актрисы.

Директор фабрики Анна Георгиевна Смирнова — из рядов той советской интеллигенции, для которой нет счастья без ощущения того, что «мой труд вливается в труд моей республики». И Гурченко сыграла тут деловитую собранную, целеустремленную, раскрыла характер, способный к самопожертвованию. Он был интересен и своей неоднородностью: из него нет-нет да и выплескивалась женственность, проглядывала наружу неутоленность горячего сердца.

Следовавшие за «Старыми стенами» роли одна за другой победно утверждали «новую Гурченко», Гурченко второй половины 70-х годов. И однако, если обратиться в прошлое, эскизы иных ее образов уже существовали прежде. Так, девочка-подросток Соня, узнавшая ленинградскую блокаду и потеря близких («Балтийское небо»), несомненно в чем-то предшественница Нины Николаевны — Ники, молодой одинокой матери, с ее душевными травмами и потерями в годину вражеского нашествия («Двадцать дней без войны»).

Наше знакомство с Никой начинается кадрами высочайшего актерского накала. Безмерность болевого напряжения, в котором она живет, передана поразительно в этой бессловесной сцене у вагонного окна. А позже встреча с Лопатыным родит надежду, по-девичьи трепетную и одновременно окрашенную горечью; затем нахлынет большое чувство. Всего несколько мгновений в